

ПСИХОДЕЛИКА

Приложение
к книге
"Шедевры поэзии"

Составитель:
Ал. Акулов

ПСИХОДЕЛИКА

Приложение
к книге
"Шедевры поэзии"

Составитель:
Ал. Акулов

000

Психоделика. Приложение к книге "Шедевры поэзии".

© Психоделика. Составитель: Ал. Акулов

Акулов Александр Сергеевич (составитель).
Психоделика. Приложение к книге "Шедевры поэзии"

Текст дан в соответствии с вводным словом к предыдущей книге ("Шедевры поэзии"), но его расположение иное, а именно: иррегулярное.

Перечень авторов

Тютчев

Ф. Сологуб

Н. Гумилев

Андрей Белый

Мережковский

Жуковский

Дельвиг

Мирра Лохвицкая

Брюсов

С. Кречетов

Маяковский

Есенин

Чжан-Чжу

Мао Цзе-дун

А. Толстой

Якоб ван Годдис

Александр Кусиков

В. Ходасевич

З. Гиппиус

Варвара Бутягина

Анна Берже

Синь Цици

Н. Клюев

Александр Емельянов-Коханский

Георгий Шенгели

К. Липскеров

Е. Сырейщикова

М. Горький

Юргис Балтрушайтис

Халина Посвятовская

Эмиль Неллиган

Роберт Крили

Эдит Сёдергран

Алексей Крученых

Поль Элюар

Октавио Пас

Поль Верлен

Тютчев

Там где с землею обгорелой
Слился как дым небесный свод
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет

Под раскаленными лучами
Зарывшись в пламенных песках
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках

То вспрянет вдруг и чутким ухом
Припав к растреснутой земле
Чему-то внемлет тайным слухом
С довольством тайным на челе

И мнит что слышит струй кипенье
Что слышит ток подземных вод
И колыбельное их пенье
И шумный из земли исход

С горы скатившись камень лег в долине
Как он упал? Никто не знает ныне

Сорвался ль он с вершины сам собой?
Или низвергнут мыслящей рукой?

Столетье за столетьем пронеслося
Никто еще не разрешил вопроса

Ф. Сологуб

Я спал от печали
Тягостным сном
Чайки кричали
Над моим окном

Заря возопила
— Встречай со мной царя
Я небеса разбудила
Разбудила горя

И ветер пылая
Вечной тоской
Звал меня пролетая
Над моею рекой

Но в тяжелой печали
Я безрадостно спал
О веселые дали
Я вас не видал

В стране безвыходной бессмысленных томлений
Влачился долго я без грёз без волшебства
И лишь порой для диких вдохновений
Я находил безумные слова

Они цвели во тьме полночных волхвований
На злом пути цвели и мертвая луна
Прохладный яд несбыточных желаний
Вливала в них ясна и холодна

Своеволием рока
Мы на разных путях бытия
Я – печальное око
Ты – весёлая резвость ручья

Я – томление злое
Ты – прохладная влага в полях
Мы воистину двое
Мы на разных далеких путях

Но в безмолвии ночи
К единению думы склоня
Ты закрой свои очи
Позабудь наваждения дня

И в блаженном молчаньи
Ты постигнешь закон бытия
— Всё едино в созданыи
Где созданыю возникнуть – там я

Я слабею Я темнею
Загореться мне невмочь
Я тоскою мглою вею
День гашу взываю ночь

Но в ночи моей тревога
Шелестит мой темный сад
И пылит моя дорога
И ручьи мои шумят

И моя большая дума
В небе тусклая луна
От раскаянья угрюма
От бессилия бледна

По жестким путям бытия
Я бреду бесприютен и сир
Но зато вся природа моя
для меня наряжается мир

Для меня в тайне вешних ночей
Заливаясь поют соловьи
Как невольник целует ручей
Запыленные ноги мои

И светило погасшего дня
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня
Рассыпает их в серой пыли

Уныло плавала луна
В волнах косматых облаков
Рыдала шумная вода
У мрачных берегов

Уныло ветер завывал
Качая ветви гибких ив
На мягких крыльях сон летал
Тревожен и пуглив

Я воскресенья не хочу
И мне совсем не надо рая, —
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.

Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои,
И в несказанном бытии
Навек забуду все, что было

Увидишь мир многообразный
И многозвонный — и умри.
В очах и в зареве зари
Приветствуй мир многообразный,
Пройди чрез все его соблазны,
На всех кострах его гори,
Отвергни мир многообразный
И многоцветный, — и умри

Н. Гумилев

Я ребенком любил большие
Мёдом пахнувшие луга
Перелески травы сухие
И меж трав бычачьи рога

Каждый пыльный куст на дороге
Мне кричал: "Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой"

Только дикий ветер осенний
Прошумев прекращал игру
Сердце билось еще блаженной
И я верил что я умру

Не один – с моими друзьями
С мать-и-мачехой с лопухом
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всем

Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав
Что людская кровь не милее
Изумрудного сока трав

Андрей Белый

Боялся я что тайну вдруг открою
 За гранью бытия
С огнем в руках за дверью рокового
 Дрожал боялся я
И вот в колодезь ужаса я глянул
 И утонул
Дверь распахнулась... Мрак оттуда прынул
 Свечу задул

И ничего... И только мрак со мною
 И ничего
Да я узнал... Но знанья не открою
 Я своего

Мережковский

Кроткий вечер тихо погасает
И пред смертью ласкою немой
На одно мгновенье примиряет
Небеса с измученной землей

В просветлевшей трогательной дали
Что неясна как мечты мои
Не печаль, а только след печали
Не любовь, а только тень любви

И порой в безжизненном молчаньи
Как из гроба веет с высоты
Мне в лицо холодное дыханье
Безграничной мертвой пустоты

Жуковский

Ты предо мною
Стояла тихо
Твой взор унылый
Был полон чувства
Он мне напомнил
О милом прошлом
Он был последний
На здешнем свете

Ты удалилась
Как тихий ангел
Твоя могила
Как рай спокойна
Там все земные
Воспоминанья
Там все святые
О небе мысли

Звёзды небес
Тихая ночь...

К востоку все к востоку
Стремление земли
К востоку все к востоку
Летит моя душа
Далеко на востоке
За синевою лесов
За синими лесами
Прекрасная живет
И мне в разлуке с нею
Все мнится что она
Прекрасное преданье
Чудесной старины
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни
Что мне об ней остался
Один блаженный сон

Легкий легкий ветерок
Что так сладко тихо веешь
Что играешь что светлеешь
Очарованный поток
Чем опять душа полна
Что опять в ней пробудилось
Что с тобой к ней возвратилось
Перелетная весна
Я смотрю на небеса
Облака летя сияют
И сияя улетают
За далёкие леса
Иль опять от вышины
Весть знакомая несется
Или снова раздается
Милый голос старины
Или там куда летит
Птичка странник поднебесный
Всё еще сей неизвестный
Край желанного сокрыт

Дельвиг

* * *

Когда, душа, просилась ты
 Погибнуть иль любить
Когда желанья и мечты
 К тебе теснились жить
Когда еще я не пил слёз
 Из чаши бытия
Зачем тогда в венке из роз
 К теням не отбыл я!

Мирра Лохвицкая

Тишина. Безмолвен вечер длинный
Но живет камин своим огнем
За стеною вальс поет старинный
Тихий вальс грустящий о былом

Предо мной на камнях раскалённых
Саламандр кружится легкий рой
Дышит жизнь в движеньях исступлённых
Скрыта смерть их бешеной игрой

Все они в одеждах ярко-красных
И копьём качают золотым
Слышен хор их голосов неясных
Внятна песнь беззвучная как дым

"Мы, саламандры, блеск огня,
Мы – дети призрачного дня,
Огонь бессмертный наш родник,
Мы светим день, живем лишь миг.

Красив и страшен наш приют,
Где розы красные цветут,
Где вихрь горячий тонко свит,
Где пламя синее висит.
Мы на мгновенье созданы,
Чтоб видеть призрачные сны,
Чтоб камни мертвые согреть
Плясать, сверкать и умереть"

Брюсов

Мечтатели сибиллы и пророки
Дорогами запретными для мысли
Проникли вне сознания далеко
Туда где светят царственные числа

Предчувствие разоблачает тайны
Проводником нелицемерным светит
Едва откроется намек случайный
Объемлет вас непересказный трепет

Вам поклоняюсь, вас желаю числа
Свободные бесплотные, как тени,
Вы радугой связующей повисли
К раздумиям с вершины вдохновенья

С. Кречетов

Летучий голландец

Я летучий корсар Я скиталец морей
Видит в бурю мой призрачный взгляд
Много встретилось мне на пути кораблей
Ни один не вернулся назад

Кто на море рожден, кто любимец удач
Только глянут и дрогнут они
Коль зажгутся на высях темнеющих мачт
Надо мной голубые огни

Словно звон похорон мой прощальный призыв
Прозвучит над холмами зыбей
И домчит к берегам равнодушный прилив
Только щепы изломанных рей

Я мчался по волнам морским
Громады вставали кругом
И нега и брызги как дым
Сливались зловещим кольцом
Я крался по чащам лесов
Во мраке сплетенных ветвей
Я слышал таинственный зов
Протяжные стоны зверей
Я был на извилинах гор
Где тучи клубились у ног
Я видел безмерный простор
И солнца лазурный чертог
Я шел по безлюдью степей
В безбрежности мертвых песков
Я видел скелеты людей
И храмы умерших богов
Я слышал во мраке ночном
Как мерно дышал океан
Лаская скалистый излом
Прибрежье неведомых стран
Но в вихре стремлений земных
В изменчивой смене годов
Ловил я зарницы иных
Еще неразгаданных снов

Маяковский

Багровый и белый отброшен и скомкан
В зелёный бросали гостями дукаты
А черным ладоням сбежавшихся окон
Раздали горящие желтые карты

Бульварам и площади было не странно
Увидеть на стенах синие тоги
А раньше бегущим как красные раны
Огни обручали браслетами ноги

Толпа, пёстрошерстая быстрая кошка
Плыла изгибаясь дверями влекома
Каждый хотел протащить хоть немного
Громаду из смеха отлитого кома

Я чувствую платья зовущие лапы
В глаза на улыбку протиснул пугая
Ударами в жёсть хохотали арапы
Над лбом расцветивши перо попугая

Есенин

Песни, песни, о чем вы кричите
Иль вам нечего больше дать
Голубого простора нити
Я учусь в мои кудри вплетать

Я хочу быть тихим и строгим
Я молчанью у звёзд учусь
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
"Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип"

Синий свет, свет такой синий
В эту синь даже умереть не жаль
Ну и что ж, что кажусь я циником
Прицепившим к заднице фонарь

Старый, добрый, заезженный Пегас,
Мне ль нужна твоя мягкая пруть
Я пришел как суровый мастер
Воспеть и прославить крыс
Башка моя словно август
Льется бурливых волос вином

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем

А когда ночью светит месяц
Когда светит черт знает как
Я иду головою свесясь
Переулком в знакомый кабак

Шум и гам в этом логове жутком
Но всю ночь напролет до зари
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт

Сердце бьется все чаще и чаще
И уж я говорю невпопад
"Я такой же как вы пропащий,
Мне теперь не уйти назад"

Чжан-Чжу
1286 — 1368

* * *

В канавах люди
 пожирают трупы
Ребенка мать
 бросает на дорогу
Прохожие
 глаза отводят тупо
Они помочь
 уже ничем не могут

Для мертвецов
 дробят в земле могилы
А к трупам
 пробираются лисицы
Глаза у трупов
 выест черный ворон
Голодный волк
 обезобразит лица

Ю. Попков

Мао Цзе-дун

Там, за бледными облаками
Гусь на юг улетает с криком
Двадцать тысяч ли пройдено нами
Но лишь тех назовут смельчаками
Кто дойдет до стены Великой

Пик вознесся над Люпаньшанем
Ветер западный треплет знамена
Мы с веревкой в руках решаем
Как скрутить нам седого дракона

А. Толстой

Мне кажется все так знакомо
Хоть не был я здесь никогда
И крыша знакомого дома
И мальчик и лес и вода

И мельницы говор унылый
И ветхое в поле гумно
Всё это когда-то уж было
Но мною забыто дано

И так же шел жид бородатый
И так же шумела вода
И всё это было когда-то
Но только не помню когда

Якоб ван Годдис

Сегодня на ветру не постоишь
Уносит шляпы Что за наважденье!
В газетах пишут: всюду наводнение
Срывает ветер черепицу с крыш

Моря взбесились Шалая вода
Смывает дамбы, затопив заставы
Все кашляют чихают Ах, беда
С мостов под насыпь валятся составы

Л. Гинзбург

Александр Кусиков

1893 – 1977

Так ничего не делая, как много делал я
Качая мысли на ресницах сосен
Я всё познаю, вечность затая
И яблоко земли проткну я новой осью

Нагорный пес причудливых видений
Тропинки тайн неперечтенных строк
Здесь я выслеживал незримого оленя
Моих проглоченных тревог

О сколько слов в шуршащем пересвисте
Роняет с крыл совиный перелет
Когда заря кладет в ладони листьев
Копейки красные своих щедрот

Туман свисает бородой пророка...
Я, полным сердцем вечер затая,
Поймал звезду, упавшую с востока —
Так ничего не делая, как много делал я.

Грустным тупозвоном в пятносинь потемок
Разбросался дождь по лужицам булавками
Дрогнет и стучится мне в окно котенок —
Предосенний ветер — с перебитой лапкою.

Зачитаю душу строками Корана.
Опьяню свой страх евангельским вином —
Свою жизнь несу я жертвенным бараном
И распятым вздохом, зная об ином.

Дрогнувший котёнок, — предосенний ветер
Мне в окно стучится перебитой лапкою.
В пятносинь потемок, в предвечернем свете
Вколотил я тайну в лужицу булавками.

В. Ходасевич

Весенний лепет не разнежит
Сурово стиснутых стихов
Я полюбил железный скрежет
Какофонических миров

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических высот
Дрожь, пробежавшая по коже
Иль ужаса холодный пот

Иль сон, где некогда единый –
Взрываясь, разлетаюсь я
Как грязь, разбрызганная шиной
По чуждым сферам бытия

3. Гиппиус

Я в лодке Харона с гребцом безучастным.
Как олово, пусты тяжелые воды.
Туманная сырость над Стиксом безгласным.
Вот Лета. Не слышу я лепета Леты.
Беззвучны удары раскидистых весел.
На камень небесный багровые светы
Фонарь наш неяркий и трепетный бросил.
Вода непрозрачна и скована ленью...
Разбужены светом, испуганы тенью,
Преследуют лодку в бесшумной тревоге
Тупая сова, две летучие мыши,
Упырь тонкокрылый, седой и безногий...
Но лодка скользит не быстрее, не тише.
Упырь меня тронул крылом своим влажным...
Бездумно гляжу я за стаей послушной,
И всё мне здесь кажется странно-неважным,
И сердце, как там, на земле, — равнодушно.
Я помню, конца мы искали порою,
И ждали, и верили смертной надежде...
Но смерть оказалась такой же пустою,
И так же мне скучно, как было и прежде.
Ни боли, ни счастья, ни страха, ни мира,
Нет даже забвения в ропоте Леты...
Над Стиксом безгласным туманно и сыро,
И алые бродят по камням отсветы.

Варвара Бутягина

Образа, тишина и подвижники,
Вам зимою псалом мой пропет.
На веселом просохшем булыжнике
Нахожу прошлогодний мой след.

И фиалки волной аметистовой
Ароматом врастают в ладонь
День весенний к молитве неистойвой
Надевает цветную фелонь.

И иду я глазами раскрытыми.
Ветер, дни мои все распыли.
Только слышно, как бьется под плитами
Пробужденное сердце земли.

Анна Берже

К неудовольствию птиц
я замечаю
что ночами ерошу деревья

передвигаю леса
меняю листву

хочется вытолкнуть вдруг
голубые цветы
и ветки из головы

Синь Цицзи
1140 — 1207

Каждый год мэйхуа в эту пору ищу,
Чтоб однажды увидеть улыбку цветенья.
Пали сумерки,
Тень обозначилась чуть.

Напоен ароматами
воздух весенний.

Мэйхуа вся в снегу,
И в душе моей снег...

За рекой Фоуюй
Роща в дымке маячит.

Басманов

Н. Клюев

Природы радостный причастник,
На облака молюся я.
На мне иноческий подрясник
И монастырская скуфья.

Обету строгому неверен,
Ушел я в поле к лознякам,
Чтоб посмотреть, как мир безмерен,
Как луч скользит по облакам.

Александр Емельянов-Коханский

Черви черным покрывалом
Осаждают грудь мою...
Сердце бьется звуком алым,
Не стремится к бытию...
Очи черные чаруя,
Черви пиршество дают...
От любви их поцелуя
Раны крепнут и растут...
Черви черные гниением
Наслаждаются моим,
Как бессмысленным сомнением
Опьяненный пилигрим.

Георгий Шенгели

Бесчисленные радужные пересекающиеся шарики,
Вздувающиеся в хрустальной чаше для мыльных пузырей,
Весь мир наполнили, разбросали голубые фонарики,
Заструились нитями прозрачных переливающихся огней.
Я крошечный, в середине, сам
из вибрирующих
нитей

сотканный,

Я слушаю, как прозрачно и розово колокольчики звенят...
Мелодия, дразнящая за тысячегранными окнами,
Серебряные спирали звуков выстраивает в волнующий ряд.
Бесконечно громоздятся, лопаются и тают шарики,
И снова громоздятся, отражая сладкозвучный свет.
И всё пронизали нити, и вальсируют голубые фонарики.
И всё – это я один... И меня вовсе нет...

Безводные золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожженную неизведанную страну,
Где правят в уединении златолицие богдыханы,
Вдыхая тяжелодымную златоопийную волну.

Где в набережных фарфоровых императорские каналы
Поблескивают, переплескивают коричневой чешуей,
Где в белых обсерваториях и библиотеках опахалы
Над рукописями ветхими — точно ветер береговой.

Но медленные и смутные не колышутся караваны,
В томительную полуденную не продвинуться глубину.
Лишь яркие золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожженную неизведанную страну.

К. Липскеров

Азия – желтый песок и колючие желтые травы...
Азия – розовых роз купы над глиной оград...
Азия – кладбище битв, надмогилье сыпучее славы...
Азия – желтый песок и колючие желтые травы,
Голубая мечеть, чьи останки, как смерть, величавы,
Погребенный святой и времен погребальный обряд...
Азия – розовых роз купы над глиной оград.
Азия – желтый песок и колючие желтые травы,
Узких улиц покой, над журчащими водами сад...
Азия – розовых роз купы над глиной оград,
Многopёстрый базар, под чалмою томительный
взгляд,
Аромат истлеваний и ветер любовной отравы,
Азия – желтый песок и колючие желтые травы...
Азия – розовых роз купы над глиной оград...

Е. Сырейщикова

О Эрос нег! О бог весенних грёз!
Тебя встречают лотосы и розы!
Но ты не здесь, ты там, где крепки лозы,
Виясь ползут на дремлющий утес,
Где расцветают золотом мимозы,
Где пьяны солнцем резвые стрекозы,
Где море моет ряд песочных кос,
Ты там цветешь нежнее туберозы,
О бог весенних грёз!

Сюда, где бродят белые морозы,
Цветы дрожат в слезах холодных рос,
И горестно качают зыбкие березы
Зелёными волокнами волос,
Ты мне приносишь злые скабиозы
О бог весенних грёз!

М. Горький

Иду межой среди овса
На скрытую, в кустах, дорогу.
А впереди горят леса —
Приносит леший жертву Богу.

Огней собачьи языки
Траву сухую жадно лизут,
И вижу я, что огоньки
Ползут ко мне всё ближе, ближе...

Смотрю на них, едва дыша
Горячей, едкой влагой смрада,
И странная моя душа
Поет, чему-то детски рада.

Юргис Балтрушайтис

Я родился в далёкой стране,
Чье приволье не знает теней...
Лишь неясную память во мне
Сохранило изгнание о ней...

Помню, помню в тяжелом плену
несказанно-ласкательный звон,
Что гудел и поил тишину,
И баюкал мой трепетный сон...

И средь шума забот и вражды,
Где я, в рабстве, служу бытию
Лишь в мерцанье вечерней звезды
Я утраченный свет узнаю...

Халина Посвятовская

люблю тосковать
вбегать по перилам цвета и звука
хватать в раскрытые губы
морозный запах

люблю мое одиночество
висящее выше
чем головокружительный мост
обнимающий небо

Н. Астафьева

Эмиль Неллиган

(Канада. Квебек. 1879 – 1941)

Сверкая золотом, прозрачный плыл фрегат,
И к чуждым берегам подняв стрелу бушприта,
Смеялась впереди нагая Афродита,
И берег вдалеке был счастлив и богат.

Но шквал предательский под пение Сирены,
Срывая паруса, разбил его о риф,
И к черным пропастям дорогу проторив,
Покинул синеву обломок жизни бранный.

Мой золотой фрегат, сокровища твои
Разделят в гибельном подводном забытии
Тоска и ненависть — пираты горькой бездны.

О сердце, шлюпкою на палубе пустой,
Ты мечешься — любви обломок бесполезный,
В воронку серую затянутый Мечтой!

С франц. Р. Дубровкин

Роберт Крили

Ни вперед
Ни назад
Не двинуться.
Пойман

временем
его же мерой.
Что думаем
о том, что думаем о —

безо всяких причин
думаем, чтобы
думать и только —
для себя, в себе.

А. Драгомощенко

Эдит Сёдергран

Все воздушные замки растаяли снегом в долине.
Все мечты утекли, словно полые воды под мост.
Из всего, что любила, остались в сердечном помине
Только синее небо да бледная музыка звезд.
Ветер в ветках играет, и слушают ветер деревья.
Пустота отдыхает. И грезит вода о весне.
И старинная ель, охмелев от тумана доверья,
Одинокое облако тихо целует во сне.

/М. Дудин/

В серебряном растворе,
За дюнами, вольна,
Перебирает море
Полночная волна.
Печальные туманы
И серебро волны
Хранят, как великаны,
В долине валуны.
И веет до рассвета
Под белую луной
Благословеньем лета,
Мечтой и тишиной

В янтарном солнце круча.
И с кручи видно мне:
Плывет по небу туча
И остров — по волне.
А сладость до отвала
Насытила стволы.
И в сердце мне запала
Жемчужина смолы.

Что хочет сердце смертное мое?
Оно молчит и ничего не хочет.
Из судороги неба и земли
Возникнул призрак серый, словно пепел.
Я думаю. Я знаю, он придет
В какое-то случайное мгновенье.—
Он видит через запертую дверь
Меня и мне протягивает руку.
И выбора нет больше на земле.
Где истина? Над истиной туман.
Она живет меж змей и пепла в склепе.

На небе ясно, и на сердце ясно,
И я едина с этой звездной ночью,
Сидящая, дрожа, на тонкой нитке,
Протянутой на землю от звезды.
Ты словно преисподняя, о время,
Обманываешь нехотя меня,
Опасностью для рук канатоходца,
Опасностью для легких ног моих.
Погибни, время!
Каждая звезда
В лицо мне говорит: — Я — это ты!
Побудь со мною! — и целует в губы.
И звездное смыкается кольцо,
И всю мою земную оболочку,
Кружа, окутывает звездный пух.

Зачем вам, люди, золото и камни?
Да будут переполнены сердца
Живой мечтой, пылающей, как уголь.
Достаньте драгоценные рубины
Из гордых взглядов ангелов.
Испейте
Воды холодной из колодцев ада,
Но только не копите драгоценных
Камней и побрякушек золотых,
Достойных разве жалких попрошайек, —
А подарите, люди, детям вашим
Еще никем не виданную силу
Прорваться сквозь небесные врата.

По той стране, которой нет, тоскую.
Ведь то, что есть — желать душа устала.
А светлая душа серебряные руны
Поет мне о стране, которой нет.
Там исполнение желаний наших.
Там нет цепей. Там лунная роса
Ложится на пылающие лица.
Я жизнь свою в горячке прожила.
Но как мне удалось, сама не знаю,
Найти страну, которой нет.

Алексей Крученых

я жрец я разленился
к чему все строить из земли
в покой неги удалился
лежу и греюсь близ свиньи

ПОЛЬ ЭЛЮАР

Однако
видел я <великие> глаза,
Серебряных богов,
в руках сапфир <держащих>,
Да, истинных богов,
крылатых птиц земли
И ясных вод, я видел
<О!,>
я видел.
И крылья
их
— мои.

Ничто во всей вселенной
Не существует,
только <тот> полет,
И он мои печали прочь
несет,

Полет планет, земли,
и звезд полет, и камня,

И мысль моя на жизни
и на смерти
На двух крылах,
на двух волнах плывет.

Н. Ваксмахер

+ + +

Пусть в небе заблудятся птицы
<Привитые глупо к> гнездам

Пусть оживут драгоценные камни
На колосьях своих переливов

Пусть хотя бы кустарник покроет
Луга обглоданные <козами>

Пусть город слепым подарит

Счастье бродить без палки

ОКТАВИО ПАС

Я исчезаю
светом и пеной, телом
без плоти;
мир
— это ветер,
это лишь воздух на перелете.

/А. Гелескул/

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

Зеленовато-красны
Холмы и склоны эти
В вечернем полусвете
Все контуры неясны

Вот золото стремнины
Все более багрится,
На вазе без вершины
Чуть слышно свищет птица

Осенний день тускнеет,
Мечты мои бессвязны,
И грусть мою лелеет
Напев однообразный.

/Брюсов/

+ + +

На некой улице
среди града бредового
Все будет, точно здесь
уже ты жил в былом:
Миг
— столь расплывчатый,
но колющий копьем...

О, солнце, всплывшее
из сумрака густого!
О, голоса в лесу, о, в море крик
ночной!

Все беспричинно там и странно
в этой смене,
Как медленный возврат
из перевоплощений:
все той же станет
явь и более чем той.

Все будет точно сон,
томящий и тяжелый,
Когда проснешься вдруг
и вновь уснешь, и вот
Все те же призраки,
и бред
— все тот же,
тот,
Хоть лето вокруг, трава
и с гудом реют пчелы...

/Г. Шенгели/